
Дмитрий МАКАРОВ

Политические перемещения и крушение коммунистической власти в СССР

Продолжая дискуссию на тему «Перестройка: итоги и следствия», открытую главным редактором «ОНС» В. Согриным, А. Бутенко подчеркивает, что конец перестройки в нашей стране ставит перед исследователями вопрос о сущности и характере этого явления, имеющего четкие определенные исторические рамки¹. Тем самым он несколько расширяет саму тему, так как определение сущности явления требует прежде всего анализа причин, его вызывающих, без чего, естественно, трудно понять и его развитие.

Перестройку начал М. Горбачев, соглашаются и Согрин, и Бутенко. Однако причинная подоплека его решения по-прежнему остается в тени. Считать, что такой причиной явилось возросшее демократическое движение, едва ли возможно, ибо известно, насколько успешно справлялся с диссидентством Комитет государственной безопасности и как последовательно коммунистическая пропаганда умела оболванивать людей. Социальный конфликт, который традиционно ставится в центр социально-политического анализа авторами журнала², в таких условиях был просто невозможен.

Сложилось мнение, что реформы в СССР начались в результате того, что верхушка власти осознала невозможность продолжать грабительский способ ведения хозяйства. Однако, как показывает пример сталинского периода, голод населения отнюдь не смущал властвующую верхушку страны, а жестокость аппарата насилия всегда была способна удержать народ в узде. Неспособность авторитарной власти к каким-либо переменам лишь подтверждает данное возражение. Кроме того, более логичным для этого режима было бы такое «реформирование» общества, которое опиралось бы на ужесточение порядка и дисциплины, а не на демократические преобразования.

Нисколько не умаляя доброй воли Горбачева, я берусь утверждать, что к демократическим реформам его подтолкнуло не что иное, как логика междоусобной политической борьбы внутри аппарата власти, и что, не будь Горбачева, другой лидер все равно с большим или меньшим успехом вынужден был бы начать демократическое преобразование страны. Для того чтобы

¹ См. Бутенко А. Историческая неудача или начало революции. «Общественные науки и современность», 1992, № 4, с. 55.

² См. Ракитский Б., Шкира А. Общественно-политический процесс в СССР. «Общественные науки и современность», 1991, № 6, с. 11.

убедиться в этом, обратимся к анализу функционирования коммунистической власти в СССР.

Кульг личности Сталина, а затем авторитарный режим Брежнева создают впечатление монолитности коммунистической системы правления. Ее принципом является абсолютная власть одной личности или небольшой группы лиц, среди которых опять же выявляется лидер, в конце концов подчиняющий своему влиянию всех остальных.

Сторонником такого взгляда на послевоенную систему власти в СССР является, например, Дж. Хоскинг. Главным действующим лицом этой системы он считает Сталина, который пресекал любую оппозицию его личной власти с помощью преданного ему аппарата НКВД — МГБ. В целях предотвращения создания такой оппозиции Сталин проводил политику периодического обновления рядов своих соратников: «Правящие лидеры партии и государства, занявшие высшие посты за последние 15 лет, создали крепкую структуру личных взаимоотношений и даже достигли определенной корпоративной солидарности. Это означало, что они были потенциальным препятствием сталинскому опыту неограниченной власти»³.

Подобную же оценку сталинского правления дает и итальянский историк Дж. Боффа. В его концепции инициатором всех политических перемещений также является Сталин, с помощью политических процессов создавший себе ничем не ограниченную власть над судьбами людей. Боффа в то же время отмечает наличие междоусобных интриг в сталинском руководстве, но не придает им особого значения, считая, что они носят всего лишь личный характер⁴.

Однако подобная точка зрения не может объяснить значительных потрясений, происшедших в Советском Союзе после смерти Сталина. Коллективное руководство Маленкова—Хрущева показало себя нежизненным. Наследники Сталина оказались разделенными на два враждующих лагеря, противоречия между которыми обострились до открытого антагонизма. Берия сосредоточил в своих руках объединенное МВД, имеющее в своей структуре многочисленные вооруженные силы, и был уже готов к абсолютизации власти. Против него выступил партийный аппарат в союзе с армией. Этот антагонизм не мог образоваться лишь за несколько месяцев «коллективного руководства». Он, безусловно, назревал в течение продолжительного времени еще при жизни диктатора.

С другой стороны, в последние годы своей жизни Сталин, по крайней мере внешне, удалился от дел, его болезнь быстро прогрессировала, ему все труднее стало принимать решения. Тем более важную роль в государстве должны были играть его ближайшие советники.

Поэтому более верной представляется концепция Р. Конквеста, которую поддержали также Т. Данмор⁵ и А. Антонов-Овсеенко⁶. Конквест считает, что после войны в высшем эшелоне власти сложилось противостояние двух политических группировок — А. Жданова, опиравшегося на ленинградскую партийную организацию, с одной стороны, и Маленкова—Берия, представлявших верхушку государственного аппарата и органы государственной безопасности, — с другой.

Анализируя ситуацию, автор обращает внимание на возвышение в 1946 году Жданова, который стал секретарем ЦК партии, выведение из Секретариата ЦК Маленкова и отстранение от руководства спецслужбами Берия с одновременным приходом в Секретариат ЦК партии А. Кузнецова,

3 Hosking Geoffrey. A History of the Soviet Union. London, 1985, p. 315.

* Boffa Giuseppe. Storia Dell'Unione Sovietica. Milano, 1979, p. 88—93.

5 Dunmore Timothy. Soviet Politics. London, 1984, p. 26—27.

6 См. Антонов-Овсеенко А. Карьера палача. *Звезда*, 1991, № 7, с. 148—149.

ленинградского партийного лидера, работавшего ранее со Ждановым. В обязанности нового секретаря ЦК входил контроль за деятельностью государственных органов, в том числе и МГБ. Смерть Жданова в 1948 году, а затем репрессии в отношении Кузнецова и других партийных деятелей Ленинграда, возвышение Маленкова и Берия впоследствии создают впечатление кратковременной победы «государственной» группировки Берия и Маленкова над «ждановско-партийной» группировкой⁷. Таким образом, режим сталинской власти не только не мешает складыванию различных группировок во властных структурах, но является хорошей средой для их противоборства.

В справедливости такого взгляда нас убеждает прежде всего репрессивный характер сталинского режима. Сложившийся к концу 30-х годов как логическое завершение классовой борьбы механизм репрессий и периодического обновления высшего руководства явился наиболее мобилизующим фактором политического сознания властных структур, которые для собственного выживания просто вынуждены были искать себе врагов и сторонников. Первых — для того, чтобы подставить, вторых — для того, чтобы на них опираться. Это, естественно, должно было привести и привело к образованию двух противоположных группировок в сталинском окружении.

Немецкий историк В. Шарндорф считает послевоенные внутриполитические события в СССР переплетением интриг не только соперничавших за сталинское наследство группировок, но и действий самого Сталина по новому «омолаживанию» верхушки власти. Проявления последних он видит в «мингрельском деле» и «деле врачей»⁸.

Независимо от того, какова была доля участия Сталина в послевоенных политических перемещениях, можно с уверенностью сделать вывод, что руководство страны в послевоенный период представляло собой треугольник: Сталин—Берия—Жданов (Хрущев). Этот вывод вполне соответствует закону Паркинсона, сформулированному как раз для систем военно-бюрократического типа и подразумевающему обязательное соперничество и борьбу за власть между двумя заместителями руководителя бюрократической организации, а это значит, что концепция Конквеста получает также методологическое подтверждение.

Обострившаяся после смерти Сталина борьба между лидерами партаппарата и группировкой Берия—Маленкова привела к победе ЦК КПСС, который подмял под себя органы госбезопасности и ликвидировал противоречия в верхнем эшелоне власти. Казалось бы, ситуация должна была повториться, и избранный Первым секретарем ЦК КПСС Н. Хрущев должен был стать новым диктатором. Именно так и представлял себе ситуацию в СССР конца 1950-х годов Р. Элсворт. Смещение с должностей Жукова и Маленкова, равно как и разоблачение «антипартийной группировки», справедливо рассматриваются им как продолжение репрессивной политики советского руководства. «Несмотря на дворцовые интриги в борьбе за трон после смерти Сталина,— пишет автор,— основные направления сталинской внутренней политики сохранились без больших изменений». Политических свобод, по его мнению, не прибавилось, появилось лишь больше свободы личности. Автор считает, что в некоторых аспектах режим Хрущева был даже более жестоким, чем сталинский: расширился спектр применения смертной казни, в некоторых советских городах, помимо милицейского контроля, осуществлялось военное патрулирование, усилились гонения на религию, по масштабу которых Россия, по мнению Элсворта, вернулась к концу 30-х годов⁹.

⁷ См. Conquest Robert. Power and Policy in the USSR. New York, 1961, p. 18—49.

⁸ См. Scharndorf Werner. Die Geschichte der KPdSU. Munhen, 1961, S. 70—75.

Все верно... Однако Сталину на его посту никто не угрожал. Он был естественным и необходимым элементом руководящего треугольника и обеспечивал его устойчивость. Хрущеву же пришлось расстаться со своим постом в 1964 году. Очевидно, что в руководстве должно было выявиться какое-то новое противоречие, разрешение которого и привело к падению Хрущева.

Оппозицию Хрущеву авторы монографии «Политика в Советском Союзе» видят в лице военно-промышленного комплекса. С их точки зрения, эта сила заявила о себе уже в первом конфликте между Хрущевым и Маленковым, произошедшим в 1952 году, когда Маленков выступил с критикой плана выхода из экономического кризиса, предложенного Хрущевым, и вскользь упомянул о необходимости увеличить капиталовложения в сельское хозяйство и легкую промышленность в ущерб военно-промышленному комплексу. Поссорившись таким образом с ВПК, Маленков тогда потерпел поражение в борьбе за власть. Подобным же образом, утверждает в монографии, ВПК в 1964 году сместил и Хрущева, когда последний, потерпев поражение в экономических реформах, также начал наступление на его интересы — сократил военный бюджет в пользу инвестирования производства товаров народного потребления¹⁰.

Однако политические перемещения хрущевского периода заставляют критически отнестись и к этой концепции. Хрущев одолел Берия в коалиции с маршалами Жуковым и Булганиным, последний из которых сразу же после этой победы стал Министром обороны СССР. В 1955 году он повышается в должности до Председателя Совета Министров, но уже в 1958 году «разоблачается» и попадает в опалу вслед за представителями «антипартийной группировки». В 1955 году Министром обороны СССР становится Жуков, но, обвиненный осенью 1957 года в попытке поставить армию над партией, также снимается со своего поста и выводится из ЦК.

Эти события показывают, что у победившего партаппарата было достаточно сил для расправы с лидерами ВПК, а значит, появляются большие сомнения в том, что они могли составить ему достойную оппозицию. После своей победы партаппарат был исключительно силен, и поэтому политические противоречия могли породить лишь противоречивость интересов самого партаппарата. На это и обратил внимание Боффа. В отличие от авторов «Политики в Советском Союзе», он отмечает демократические аспекты политики Хрущева и вызванные ею значительные реформаторские настроения в обществе, которые не могли не вступить в противоречие с традиционной сталинской идеологией и политикой КПСС.

Автор доказывает, что разоблачение сталинских репрессий было следствием борьбы ЦК КПСС за упрочение своей власти. Последовавшая затем попытка в 1957 году смещения Хрущева, которая закончилась плачевно для самих его организаторов, лишь закрепила победу партаппарата над старым противником". Вместе с тем это разоблачение, равно как и целый клубок выплеснувшихся наружу серьезных проблем в экономике страны, вызвали широкое реформаторское движение, которое сразу вступило в противоречие с существующим режимом. Таким образом, впервые проявился конфликт противоположных социальных сил, вступивший в свою решительную фазу в 1963—1964 годах.

Хрущев, противопоставивший друг другу сталинских идеологов и реформаторов-экономистов и защищавший интересы вторых в ущерб первым, выступал не только как интриган, боровшийся за власть, но и как выразитель нового социального интереса, получившего политическое оформ-

⁹ См. Ellsworth Raymond. The Soviet State. New York, 1968, p. 165—169.

¹⁰ См. Politics in the Soviet Union. London, 1987, p. 17—29.

¹¹ См. Boffa Giuseppe. Op. cit., p. 290—293.

ление. Оценивая политическую ситуацию в обществе после XXII Съезда КПСС, Боффа пишет: «В начале 60-х годов в СССР в зачаточном виде, но бесспорно появилась множественность мнений — явление новое, волнуемое, но ненормальное в обществе, от которого ортодоксы требовали «монolithicности». Противоречие было несомненным. Чтобы идти дальше, нужно было либо покончить с плюрализмом, либо реформировать сталинское государство»¹².

На эту ситуацию необходимо обратить особое внимание. Заметим, что интересы двух борющихся коммунистических кланов на какое-то время сошлись на необходимости реформирования самой коммунистической системы. То есть сама система порождает возможность своего реформирования.

Возглавив реформаторское движение, Хрущев невольно оказался в оппозиции к выдвинувшему его партаппарату и поэтому с необходимостью был смещен своим более сильным соперником. Именно такую оценку событиям дает, например, Р. Даниэлс в статье «Политические процессы и смена поколений», где он пишет, что Хрущев пал жертвой неосталинистской оппозиции в партийном аппарате¹³. Расправившись со старой сталинской гвардией, ЦК КПСС принялся укреплять коммунистический режим. Его междоусобная борьба была недолгой.

Предпринятая при Л. Брежнев реанимация сталинского режима с необходимостью должна была привести и к возрождению треугольной структуры власти, а значит, и к возрождению внутреннего антагонизма в среде брежневских приближенных... со всеми вытекающими отсюда последствиями. М. Восленский замечает проявления этого конфликта уже во время смещения Хрущева.

Серьезным претендентом на пост Первого секретаря ЦК КПСС, по его мнению, был прежде всего А. Шелепин, вышедший из КГБ и опиравшийся на своего ставленника в нем Семичастного. Восленский сообщает читателю один не публиковавшийся до сих пор факт, без которого нельзя понять весь ход событий. Он таков: не Брежнев, а Шелепин был назначен в качестве преемника Хрущева на пост Первого секретаря ЦК КПСС. Был подготовлен даже соответствующий проект постановления ЦК.

Однако партаппарат не хотел ставить во главе страны лицо, «склонное к диктаторству», и «временно» избранный Брежнев начал борьбу против шелепинцев¹⁴. Восленский не персонифицирует противников Шелепина, называя их просто «ЦК», но мы уже можем сами заполнить этот пробел, исходя из анализа главных противоречий хрущевского периода. Очевидно, что победившей группировкой был совершенно конкретный отдел ЦК — идеологический.

Подобно Сталину новый лидер страны Брежнев до своего избрания на пост Первого секретаря ЦК был фигурой малозначительной. Все исследователи советской истории сходятся во мнении, что этот выбор объясняется желанием партаппарата иметь на этом посту послушную фигуру. Его участие в борьбе против шелепинцев показывает, что он пока никак не выделяется из выдвинувшей его группировки, т. е. в 60-х годах наблюдается лишь два полюса политической власти. Монография «Политика в Советском Союзе» подчеркивает, что власть Брежнева первоначально «никак не была абсолютной и сохраняла возможность для контроля и ограничений»¹⁵. Так, например, в 1970—1971 годах он не мог сменить Косыгина на посту Премьер-министра, как не смог и соединить в своем лице партийную и государственную власть по примеру Хрущева.

¹² Op. cit., p. 294.

¹³ Daniels Robert. Political Processes and Generational Change. «Political Leadership in the Soviet Union». London, 1983, p. 113.

¹⁴ См. Восленский М. Номенклатура. М., 1991, с 376—377.

¹⁵ Politics in the Soviet Union. London, 1987, p. 29.

Однако сама эта попытка уже говорит о том, что Брежнев начал борьбу за абсолютизацию своей власти. Отрыв Брежнева от выдвинувшего его окружения четко отмечает А. Авторханов: «Брежнев далеко не был такой уж «серой фигурой», ибо, опираясь на опыт, изобретательность и чекистскую фантазию Андропова, Брежнев тотально чистил Политбюро от своих соперников — из 14 членов нового руководства семеро были исключены, двое умерли, а Брежнев стал новым «президентом» СССР¹⁶. Проявление «культы Брежнева» в 1975 году уже не вызывает никаких сомнений.

С 1967 года начала вырисовываться и вторая фигура правящего треугольника — в КГБ при СМ СССР приходит Ю. Андропов. С этого момента происходит резкое возрастание роли КГБ в обществе и соответствующее этому продвижение Андропова вверх в партийной иерархии. В 1973 году он становится членом Политбюро, а руководимый им орган в 1978 году получает статус министерства. Активность Андропова в борьбе за власть заставляет Авторханова представить даже Брежнева марионеткой Андропова и тем самым допустить противоречие в собственной концепции¹⁷.

Третья фигура брежневского треугольника оставалась в тени. Очевидно, именно этим объясняется невнимание к ней западных советологов. Об этом человеке — главном идеологе брежневского социализма М. Сулове — вспоминает А. Браун в своей статье «Власть и политика во время правительственных перемещений». В политической структуре брежневского руководства он видит две соперничающие друг с другом фигуры — Сулова и Андропова, борьба между которыми привела в 1967 году к отстранению Андропова от непосредственного участия в руководстве страной¹⁸. Это мнение подтверждается возвращением Андропова в Секретариат ЦК только после смерти Сулова.

С другой стороны, смерть в 1978 году явного протеже Сулова Ф. Кулакова как раз тогда, когда тот стал рассматриваться в качестве преемника заболевшего Брежнева, и компрометация в 1979 году Г. Романова, не без помощи Сулова дебютировавшего в Москве¹⁹, отмечают собой этап борьбы Андропова с суловским влиянием. Примерно к 1980 году соперничество Андропова (КГБ) с партаппаратом достигло острого антагонизма, о чем свидетельствует перенесение борьбы с коррупцией в столицу. Закон Паркинсона, таким образом, справедлив и для периода правления Брежнева. Треугольник власти неизменно возрождается, иллюстрируя стремление системы к устойчивости.

Борьба за брежневское наследие не была такой яростной, как в 1953 году после смерти Сталина, что вызвано прежде всего почти одновременной смертью Сулова и Брежнева, а также физическим вымиранием почти всего брежневского Политбюро. Андропов занял фактически освободившийся пост генсека, однако политическая борьба, как и после расстрела Берия, была далеко не закончена. В связи с этим нас интересуют политические силы, участвовавшие в этой борьбе.

Согласно наиболее распространенному на Западе взгляду в политической системе Советского Союза брежневского периода имели место три главные силы: партия, армия и КГБ. Эта точка зрения защищается, например, Авторхановым²⁰ и авторами «Политики в Советском Союзе». Однако последние склонны видеть решающую силу в ВПК. По их мнению, Андропов в

¹⁶ Авторханов А. Дела и дни Кремля. От Андропова к Горбачеву. Париж, 1986, с. 139.

¹⁷ Там же, с. 138.

¹⁸ См. Brown Archie. Power and Policy in Time of Leadership Transition, 1982—1988. «Political Leadership in the Soviet Union». London, 1989, p. 163.

¹⁹ См. Соловьев В., Клепикова Е., Заговорщики в Кремле. М., 1991. с. 264 и с. 994.

²⁰ Авторханов А. Указ. соч., с. 138.

брежневской системе был одной из опор консерватизма; его политическая программа возвращала в экономику жестокость и опиралась на военную силу армии и КГБ, которые ненавидели бюрократическую коррупцию и нуждались в модернизации своего оснащения²¹. Наш анализ исключает армию из этой системы, и поэтому, переходя к рассмотрению политических перемещений после смерти Брежнева, следует остановиться сначала на роли в них ВПК.

Для этого хотелось бы обратиться к сравнительной характеристике политических сил, данной Восленским²². Сравнивая положения партаппарата, КГБ и армии в системе государственной власти, он замечает, что лишь структуры партии и КГБ способны контролировать все государство, в том числе и армию, которая имеет огромное влияние, но не способна стать центральной властной структурой в стране, что делает ее всегда тенью и довольно слабым элементом политики, примыкающим к той или иной политической силе по своему усмотрению, но не выступающим в политике самостоятельно. Это происходит потому, что в отличие от Запада в СССР политическая борьба проходила с опорой не на социальные слои, а на государственные структуры. Силу политических деятелей в таких условиях определяли власть и влияние в обществе руководимых ими государственных органов. Поэтому Андропов не был ставленником ВПК. Армия лишь поддержала Андропова, опиравшегося в своей борьбе на структуры КГБ, и сама по себе впоследствии не могла составить ему конкуренцию.

Вызывает сомнение и утверждение, будто Андропова поддерживали только консервативные круги, ибо мы видим, что, придя к власти, он приблизил к себе многих людей, начавших впоследствии демократические реформы. Роль этой политической фигуры в истории страны отмечена уже теми начатками противоречий, которые в полной мере воплотились в фигуре Горбачева, соединившего как прогрессивные, так и консервативные тенденции советской политики.

Браун делает более глубокий социально-политический анализ, который показывает наличие трех группировок в руководстве страны в последние годы и после смерти Брежнева. Эти группировки суть консерваторы (брежневское Политбюро), сторонники реформ со ставкой на силу и усиление дисциплины (военные и КГБ) и лидеры, выступавшие за необходимость демократических преобразований. Последние две группы сходились во мнении, что коррумпированной стране мог помочь только сильный лидер. Объединение этих двух группировок, по мнению Брауна, и привело Андропова к власти. Однако автор воздерживается от характеристики самого Андропова, поэтому не ясно, к какой группе лидеров он его относит²³.

В политике Андропова, таким образом, мы вновь замечаем совпадение интересов оппозиционной консервативной верхушки и возрождающегося реформаторского движения. Наиболее ярким выражением борьбы андроповцев стала антикоррупционная кампания, проведение которой потребовало многих скандальных разоблачений, а значит, и разрешения частичной гласности в обществе.

Смерть Андропова на время приостановила этот процесс. С приходом к власти К. Черненко последовало кратковременное торжество сторонников старой брежневской системы, но это лишь углубило раскол среди руководителей страны и стимулировало борьбу за власть. Смерть Черненко вновь меняет расстановку сил.

1987—1989 годы стали роковыми и для «андроповского набора». Вместе со старыми брежневскими кадрами со сцены ушли и те, кто помог Горбачеву

²¹ См. Politics in the Soviet Union. London, 1987, p. 33—35.

²² См. Восленский М. Указ. соч., с. 167—168.

²³ Brown Archie. Op. cit., p. 164.

прийти в 1985 году к власти. Состав партийного руководства полностью обновился, на передний план вышел второй эшелон номенклатурных работников. Не поддержи их Горбачев, он, пожалуй, также сошел бы с арены политической борьбы, а перестройку начал бы другой лидер.

Разоблачение репрессий НКВД—МГБ стало орудием партаппарата в борьбе против бериевцев и их последователей. Борьба с коррумпцией была направлена против верхушки партаппарата, но не касалась консерваторов, пришедших к власти вместе с Андроповым. Борьба же с последними для нового лидера страны потребовала и новых средств, каковыми и явились демократизация общества, борьба с бюрократической системой и расширение гласности. Уже поднявшее голову реформаторское движение получило таким образом новый импульс со стороны его демократической составляющей.

Занятые междоусобной борьбой и уверенные в нерушимости коммунистической системы, ее сторонники поздно опомнились. Политическая борьба внутри авторитарного режима постепенно переросла в борьбу этого режима с демократическим движением и завершилась победой последнего.

Авторитарный режим, безусловно, подавляет любую социальную оппозицию, не позволяя обществу развиваться. Но в то же время бюрократическая структура этого режима объективно порождает вражду и борьбу за власть. Пока руководство страны представляет собой треугольник власти, где сила каждого уравнивается коалицией двух других, то вместе они кажутся единым монолитом, проводящим одну и ту же политику по укреплению режима. Однако как только режим оказывается обезглавленным, междоусобная борьба резко обостряется и тогда более молодая, а потому имеющая меньше корней группировка становится заинтересованной в укреплении собственной власти, принимает на вооружение тот самый социальный интерес, который раньше режимом подавлялся, и вступает в коалицию с возрождающимся реформаторским движением, т. е. возрождает социальный конфликт.

Эта коалиция, конечно же, никак не оформляется, но, как показывает история СССР, в нее неизменно входят и крайние консерваторы, и искренние реформаторы, различий между которыми на первом этапе не видно. Приход к власти новых людей обязательно влечет за собой и меры по ликвидации преступлений прежнего режима, что является уже определенным шагом вперед к демократии.

Поскольку в военно-бюрократической системе соблюдается строгая иерархия, то пробиться на его верхние посты и начать реформировать страну (а это, по закону Паркинсона, единственный способ реанимировать подобную систему) для представителей левого движения крайне трудно. Поэтому за «оттепелью» следует «похолодание». В замкнутой системе такое спазматическое развитие может длиться довольно долго. Но в Советском Союзе оно было ускорено не только некоторой проницаемостью «железного занавеса», но и, главным образом, целым рядом быстро сменяющих друг друга перемещений в руководстве страны, вследствие которых главная консервативная верхушка сама себя значительно ослабила, что и способствовало созданию крепкого реформистского ядра, сумевшего уже выдержать решающее сражение за власть.

Таким образом, история СССР иллюстрирует нам механизм развития авторитарных государственных систем, запрещающих внутри себя политическую борьбу различных социальных сил. Политические интриги внутри авторитарной власти, которые сами по себе не являются социальным конфликтом и поэтому на первый взгляд на имеют никакого отношения к социальным реформам, на самом деле выступают в таком обществе пер-вочпричиной крушения самой этой власти.